

АДРИАНА ТРИЖИАНИ

ВИД
С ОЗЕРА
КОМО

phantom press

Москва

ТИРАМИ

Выражение 1

Карандаш пусть пока побудет за ухом. Я придвигаюсь к зеркалу, держа развернутый к нему альбом сбоку от головы. Провожу ревизию своих черт на автопортрете. Ну что ж... Мне удалось передать овальную форму лица, изящный апулийский изгиб бровей и не самый плохой тосканский нос, выразительный, но не огромный. Пониженные уголки пухлых в середине губ. И наконец, глаза. Две темные планеты боли.

Пристраиваю альбом на столе почти вертикально и встаю, чтобы изучить рисунок с другого ракурса. Я разглядываю эту физиономию уже тридцать три года, так что удивляться, казалось бы, нечему. Чуть наклоняюсь и прищуриваюсь. Волосы не годятся. Прижимаю твердо-мягкий чернографитный карандаш к бумаге плашмя и оставляю череду отрывистых широких штрихов надо лбом. Растушевываю большим пальцем линию роста волос, смягчаю пушок на висках. Но никакие ухищрения не помогают мне придать рисунку легкости: сколько я ни вожусь, *faccia*¹ женщины на портрете выдает, что она несчастна.

Я делаю фото наброска.

Уважаемая доктор Шэрон!

Прилагаю автопортрет, нарисованный по Вашей просьбе. Вообще, я занимаюсь проектированием и дизайном мраморных изваяний — вычерчиваю их в масштабе. Набросок вышел грубым, извините, зато он очень точно отражает то, как я себя вижу.

¹ Лицо (*итал.*).

Говорят, путь в тысячу миль начинается с первого шага, но я, похоже, начала свой бранный путь с череды неверных шагов и впечаталась лицом в землю. Потому и обращаюсь к Вам. Без помощи мне не хватит сил встать и идти дальше. Душевных сил.

Я прочла в сети Ваши «Ключи к умиротворению». **«Сами творите свое счастье»**... С радостью — но еще понять бы, в чем оно. **«Идите на зов сердца»**. Мудрый совет, как бы только не заблудиться. **«Слушайте внутренний голос»**. Пытаюсь. От инстаграмных постов с цитатами великих философов на фоне кофе с печеньками только хуже становится¹. Я стараюсь меняться, но создание новой версии себя кажется непосильной задачей, когда даже не знаешь, с чего начать. Да и как.

Дело в том, что я позволяю родным на мне ездить. Служу поварихой, горничной, нянькой и шофером, а все принимают это как должное. Если заглядывать в будущее, скоро стану еще и сиделкой для стареющих родителей. Ведь у брата и сестры свои семьи, а я бездетна и с недавних пор одна, так что с меня спрос больше. Уготованная мне роль определена четко, будто высечена в мраморе. А уж по мрамору-то я специалистка.

Я составила карту желаний с изображениями всего самого притягательного для меня. Она в форме Италии, что уже многое говорит о том, к чему у меня лежит сердце. Там есть холмистая Тоскана, каменоломни Каррары и катера на озере Комо. Хочу радоваться жизни, а не тяготиться ею.

Решившись уйти от мужа, я переехала к родителям на цокольный этаж. Вся семья уповает на то, что я передумаю и вернусь к бывшему. Как и большинство жителей моего родного городка. Дошло до того, что Сестринство, женская община, родственная братству Рыцарей Колумба², предложило провести в нашей церкви молебен о примирении (неловко-то как!). Все истово молились об одном, а я о противоположном. Я столько раз перебирала четки во время бракоразводных слушаний, что у Иисуса на распятии сгладилось лицо.

¹ В тексте упоминается социальная сеть *Instagram*, запрещенная на территории РФ. *Meta Platforms Inc.* признана экстремистской организацией на территории РФ. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Основанное в 1882 г. христианское движение, объединяющее мужчин-католиков для благотворительной и социальной деятельности.

Паспорт для поездок за границу я получила еще в восемнадцать, но так им и не воспользовалась. Обложка без малейшей потертости, на украшенных синими узорами чистых страницах ни единого штампа о въезде. Когда в прошлом году подошел срок замены, паспортист спросил: «А смысл?»

Мне нужен смысл! Хочу почувствовать, каково это — увидеть места, поселившиеся в моих фантазиях с тех самых пор, как я впервые узнала о них из книг. Есть ли мне на что надеяться, доктор Шэрон? Можно ли обрести счастье? И если да, можете ли Вы мне в этом? Можно без печенек.

Д. К.-Б. (Лейк-Комо, Нью-Джерси)

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

Дядя Луи выезжает задом из гаража на своей желто-фишашковской «импале», чтобы подбросить меня на работу, стоп-сигналы машины вспыхивают красным. Дядя живет с тетей Лил в угловом доме на перекрестке с Сёрф-авеню, уходящей в сторону пляжа. Этот домик в стиле «кейп-код» резко выделяется на фоне белых разноуровневых коттеджей и голубеньких асимметричных домов-солонок¹, обрамляющих побережье озера Комо, как ожерелье из переливающихся опалов.

Ни у кого во всем Нью-Джерси двор не украшен так богато, за долгие годы дядя с тетей собрали на своем участке в пол-акра все элементы ландшафтного дизайна, какие только можно себе представить. Тут и пруд с карпами кои, и трехъярусный мраморный фонтан, и каменные плиты с золотым отливом, из-за которых извилистая тропинка к входной двери кажется той самой дорогой, вымощенной желтым кирпичом. На заднем дворе стоит скопированный в каррарском мраморе Парфенон, где Рыцари Колумба собираются каждый год на Четвертое июля жарить сосиски на гриле. «Мой дом — реклама моей фирмы, — любит повторять дядя Луи. — Ищите итальянское мастерство и американское изящество? Я вам помогу!»

¹ Здания в стиле «солтбокс» имеют асимметричные крыши и напоминают старинные деревянные емкости для хранения соли. Дома в стиле «кейп-код», напротив, симметричны и похожи на жилища первых колонистов, селившихся на полуострове Кейп-Код.

Он помогает клиентам, а я ему: работаю под началом дяди Луи в семейной фирме «Мрамор и камень Каподимонте», основанной в 1924 году.

Дядя останавливается у тротуара. Холодный утренний воздух щекочет мне нос и леденит грудь. Я от всей души чихаю и начинаю рыться в сумочке в поисках платка.

— Джесс, ну что за дела?! — высунувшись подальше в свое окно, возмущается дядя Луи, пока я вытираю нос. Забравшись в машину, я пристегиваю ремень безопасности. Дядя грозит мне кулаком: — Не поднимай стекло, пусть заразу выдувает!

— Я не болею, это от холода!

— Ты врач, что ли? Это мы подхватываем простуду, а не она нас, как говаривала моя мать.

— У тебя всегда ипохондрия обостряется при смене времен года.

— Заметила, значит, — слегка улыбается дядя.

От меня ничего не ускользает, но хвастаться нет смысла. Неважно, сколько ты знаешь о мире, если жить приходится в маленьком городишке (хотя действующий паспорт может помочь). Что до городка Лейк-Комо в Нью-Джерси, семьи Каподимонте и Баратта заняли весь Северный бульвар. Бабушка и дед Монте жили через два дома от нас, бабушка и дед Баратта — через три дома в другом направлении. И тех и других уже нет в живых. Дом Баратта отошел кухне Кармине в 2019 году, а дом Каподимонте пустует с 2022-го, когда умерла старая хозяйка. Мы зовем его Музеем Лейк-Комо, потому что внутри все осталось таким же, как при ее жизни, никто не вынес ни единой ложечки. Остальные дома вдоль озера сплошь населены нашей родней.

Бывало, мы устраивали праздник на всю улицу, перекрывая ее целиком. Это напоминало акцию «ешь сколько хочешь» для всей семьи в ресторане «Вилла Капри» в Патерсоне. Или итало-американский диско-клуб, только без выступлений, бесплатных закусок и требования заказать два напитка. Из общего у моих родных не только веселье, но и улица, каноэ и любовь к Богородице. Статуя Девы Марии есть в каждом дворе на берегу озера. Может казаться, что в мире царит патриархат, но всем италоамериканцам известно, что главная в семье —

мать. Пример тому — моя собственная *Mama Mia Madonne*, Филомена Каподимонте-Баратта.

— Не помню такой жакет, — говорит дядя Луи, бегло оглядев меня.

— Конни отдала.

— Все еще ходишь в сестриных обносках?

— Разве плохо смотрится? — парирую я, разглаживая пальцами темно-синюю льняную ткань.

Я не соответствую дядиным меркам элегантности. Не только сейчас, а по жизни. Луи Монте — последний представитель италоамериканцев, что выросли на «Битлз», но так и не забыли шик Луи Примы и других музыкантов былых времен. Дядя всегда одет с иголки, не хуже любого из «крысиной стаи»¹. Сорокового размера замшевые лоферы, как у Фрэнка Синатры, костюм-тройка в стиле Джерри Вейла, хорошо подогнанный по стройной фигуре. Дядя Луи не выходит из дома, не надев под пиджак жилет, тугий охват которого придает ему уверенности.

— Встречают по одежке, особенно женщин. А на тебя смотреть больно, ты будто из телешоу про депрессивных.

— Я работаю над этим. Записалась в «Тирами». Это такая дистанционная психотерапевтическая программа. Инстаграм просто завалил меня их рекламой, видать, распознал целевую аудиторию.

— Как-то настораживает. Я бы хотел отправиться на небеса, не установив больше ни одного приложения.

— Буду общаться в «Зуме» с доктором Шэрон.

— Она хоть правда доктор? — интересуется дядя Луи.

— Со всеми регалиями. Пока что попросила меня нарисовать автопортрет. И еще завести дневник. Записывать воспоминания, счастливые и болезненные. Говорит, прошлое — фундамент психического здоровья.

Я достаю альбом с рисунком, и дядя Луи мельком оглядывает его прямо на ходу.

— На тебя не похоже.

¹ Сформировавшееся в 40-х годах XX века неформальное объединение звезд американского шоу-бизнеса, куда входили Фрэнк Синатра, Дин Мартин, Сэмми Дэвис-мл. и др.

— По-моему, похоже.
— Я б на твоём месте переделал, — морщится дядя Луи.
— Поздно, я уже отправила.
— И сколько стоит эта твоя терапия?
— Примерно как абонемент в спортзал.
— М-да. Обдираловка какая-то. Зачем психотерапевт, когда есть я? Да я почти как священник. Такого старика уже никаким откровением не удивить.

— Есть вещи, о которых не расскажешь даже тебе.
— Но как же нежная женская сторона моей личности?
— Совсем не смешно.

У дяди Луи звонит телефон, и он включает громкую связь.

— Здорово, Гульо!
— У меня тут чёрный гранит завалился, нужен?

Голос глухой, будто звонят из какой-то далекой страны.

— Как раз пол укладываю в Баскинг-Ридж. А много?
— Шесть плит десять на шесть. Там фойе? Небольшое?

Дядя смотрит на меня. Я подтверждаю кивком, что материал пригодится.

— Что до цены, Гульо, даже не думай меня дурить. Не до этого сейчас.

— Шли адрес и жди доставку!

На этом Гульо — Роландо Гульотти — отключается. Он сотрудничает с дядей Луи уже целую вечность, так что в его «крысиной стае» мог бы считаться Джои Бишопом¹. Всегда вот так вдруг всплывает, решает вопросы и испаряется до тех пор, пока снова не понадобится или пока что-то не понадобится ему самому.

Опускаю глаза на экран своего телефона.

— Как ему удастся звонить в самый нужный момент? Мистика какая-то.

— Вовсе нет. Деловое чутьё. Создай заметку.

Я открываю заметки на телефоне и жду указаний.

— Ремонт у Альдо и Рены Ловизоне. Подвезут гранит. Договориться с клиентами, — диктует дядя Луи, сворачивая

¹ Американский комедийный актер и телеведущий (1918—2007), часто выступал на разогреве у Фрэнка Синатры. Был ветераном «крысиной стаи» и умер последним из ее членов.

с Шестнадцатой авеню направо на Мейн-стрит, в деловой район. Сбросив скорость, дядя инспектирует здания по обеим сторонам. — Итало-американская Ривьера возрождается!

Он одобрительно присвистывает при виде нового многоквартирного дома рядом с бывшим складом, перестроенным в комплекс для аренды. По соседству стоят рестораны, винный магазин, радиостанция и жилые дома главной улицы. Дядя тормозит у заброшенной пожарной части и прищуривается, выглянув в окно.

— Тут скоро будет новый барбекю-ресторан «Пожар». Меткое название. Называть всегда надо с умом.

Это точно. К 2004 году, когда мне было тринадцать, наш Южный Белмар в Нью-Джерси выродился до жалкого захолустного пит-стопа между Белмаром и Спринг-Лейком. Из симпатичного поселения работяг он превратился в зону выгула тусовщиков. Земля обесценилась. Было решено, что единственный способ спасти город — начать с чистого листа. Взять новое название.

Жители сошлись во мнении, что чем скорее Южный Белмар останется в прошлом, тем лучше. Этот приозерный уголок у самого океана был заселен около ста лет назад ирландскими, голландско-немецкими и итальянскими иммигрантами, и три поколения спустя их потомки так и живут здесь. Местные итальянцы запустили кампанию по переименованию Южного Белмара в Лейк-Комо. Ирландцы и голландцы с немцами сперва заартачились и не хотели называть город в честь озера, но итальянцы напирали на то, что в слове «Комо» трудно сделать ошибку. Хороший довод. Тем более что альтернативы — Фюрстенфельдбрук и Лейк-Ноббер — никому особо и не нравились.

Дядя Луи возглавил агитацию и добился того, что вариант «Лейк-Комо» выиграл с перевесом аж в 167 голосов! Так Южный Белмар и исчез из Нью-Джерси. Новое название оказалось счастливым. Звучное имя привлекает красоту, будто круг золотого света на оперной сцене, в который выходит контральто.

Кому, как не мне, знать о важности имен, я из-за своего всю жизнь страдаю. Родители, решив с рождения окутать дочь семейной историей и духом Тосканы в мамином представлении,

нарекли меня Джузеппиной Каподимонте-Бараттой. Брат не мог это выговорить и для краткости прозвал меня Джесс. Так и прилипло: кроме матери с ее принципиальностью все называют меня Джесс.

Машина неспешно катится по дороге и пристраивается в хвост пробки на Лейк-роуд.

— Неудачно мы попали, — ворчит дядя Луи.

— Да, как раз детей подвозят.

К крыльцу здания идет стайка девчонок в темно-синих джемперах. Как такое возможно, что ученицы школы Святой Розы носят ту же форму, что и я двадцать пять лет назад? Пока мы стоим в пробке, я снова открываю заметки. Все как просила доктор Шэрон. Пытаюсь излить чувства в слова, вспомнив, как когда-то ждала маму.

Это был один из тех октябрьских деньков, которые по духоте не уступают августовской парилке с ее высокой влажностью. Я вся взмокла, пока лавировала между машинами, так и пышущими жаром. Мамы не выключали двигатели, чтобы ожидать детей в комфорте кондиционированных салонов, и пробивали в озоновом слое над Нью-Джерси незатягивающуюся дыру. Не зря мы всей школой читали молитвы Розария в День Земли. Жить-то хотелось.

Я забралась в мамин «плимут». Сиденья минивэна были обтянуты полиэтиленом, и ноги отчаянно липли к нему. На дворе стоял 2000 год, мне было девять. Школьный джемпер с чужого плеча, лоферы, заказанные по каталогу... Моей сестре Конни уже стукнуло одиннадцать. Она ходила в такой же форме, только на размер больше. Конни была пристегнута на заднем сиденье за маминой спиной. Раньше сзади всегда сидела я, пока Конни не узнала, что пассажир рядом с водителем при аварии имеет больше всех шансов погибнуть первым, и не назначила место спереди моим.

Одноклассницы сняли форменные кардиганы и завязали рукава вокруг пояса, с такими «фартучками» они

смотрелись как стайка лазурных птичек. От жары девчонки даже спустили белые гольфы от колен к лодыжкам, скатав их в плотные валики. Эта новомодная фишка как раз дошла до школы Святой Розы, и те, кто так не делал, умирали для общества мучительной смертью. Я не хотела спускать гольфы, пока мне не разрешат брить ноги.

— Мам, когда я уже смогу побрить ноги?

— Еще не скоро, — встряла Конни, — мне вот зеленый свет дали совсем недавно.

— Я не тебя спрашивала, а маму!

Если еще на три года оставить волосы нетронутыми, бриться придется дважды в день, как нашему кузену Бородачу Баратте, у которого полноценная борода уже к обеду отрастает.

— Посмотрим, Джузеппина.

— Джесс! — окликнула меня с тротуара Лиза Наталицио, улыбаясь во весь рот. Ее толстые соломенные косы распушились от влажности. Батончик «Баттерфингер» в поднятой руке напоминал указку сестры Джин, что вела музыку. — Не забудь пачку от молока!

— Мам, завтра надо принести упаковку от молока. Мы с Лизой сделаем из нее почтовый ящик для сбора открыток Папе Римскому. С пожеланиями выздоровления.

— Ох уж эти монахини. Вечно что-то затевают. Ну ладно, промою и просушу пачку вечером. Хорошо, что у вашего брата как раз скачок роста и молоко он так и хлещет. Пристегнись.

Мама приехала с занятия по зумбе и была в спортивном комбинезоне из спандекса. Оборка вокруг пояса делала ее похожей на ириску в ярко-розовом фантике. В усыпанном веснушками декольте прятался золотой крестик на тонкой цепочке. Мама чмокнула меня в щеку и открыла ланчбокс, который я держала на коленях:

— Умничка, все съела!

— Это Бобби Биланча стащил.

— Ты пожаловалась сестре Терезе?

— Ябед никто не любит, — напомнила я маме. —

У Лизы Бобби тоже еду таскает, и она сдалась. Ее мать

теперь кладет вторую упаковку сладких кексиков на случай, если он захочет поживиться.

— Я не собираюсь кормить весь четвертый класс.

С третьей попытки мама зажгла сигарету «Вирджиния Слимс» и высунула руку с ней в окно — в попытке убедить нас от пассивного курения и рака.

— Как только доедем, я звоню в школу, — устало выдохнула она. — Джузеппина, нужно давать ему отпор.

— Я не могу, мам.

— Почему это?

Конни ответила за меня:

— Потому что все девочки класса и все монахини школы обожают Бобби Биланчу. Он и Джесс тоже нравятся. Правда, Джесс?

— Мы можем взять мороженое по дороге?

Почему от упоминания Бобби в животе так и заурчало?

— Дома есть лазанья.

— Это слишком долго, я так в обморок упаду, — сказала я и облокотилась на дверь, подложив под щеку руку.

Вскоре на заднее сиденье забрался мой четырнадцатилетний брат Джо и захлопнул за собой дверь. Его баскетбольная форма была отглажена, темные волосы аккуратно расчесаны на пробор. Рюкзак, который Джо поставил рядом с собой, выглядел совершенно новым, как в тот день, когда мама купила его в «Таргете».

— Как ты сегодня, Джо? — участливо спросила мама.

— Ничего. Забросишь меня на стадион?

— Это мой материнский долг, — ответила она с улыбкой. — А как твой день, Конни?

— Так себе. Над именем Джесс опять смеялись.

Мама, смотревшая на Конни в зеркало заднего вида, перевела темные глаза на меня:

— Как смеялись?

— Ну, некоторые девчонки перевирают его.

— Зовут меня Джузеппина-колада.

— В честь коктейля? — нахмурилась мама.

— Это еще не худший вариант, мам, — сказала

Конни. — Иногда ее обзывают Жопизиной.

— Вот дуры, — буркнул Джо.

Хотя формально Джо был еще ребенком, он давно перерос все эти детские шутейки. Можно сказать, я относилась к нему скорее как к отцу, чем как к брату.

— И кто тебя дразнил? — принялась допытываться мать. — Конни, ты вступилась за сестру?

— Ты предлагаешь мне выслеживать в школьных коридорах обидчиц Джесс и мстить им?

— А что такого? Сестра у тебя одна! — Мать повернулась ко мне: — Джузеппина, умей постоять за себя!

В горле встал ком. Схватившись руками за шею, я попыталась вдохнуть, но воздух не проходил. Такие панические атаки обычно случались после череды провалов, а в тот кошмарный день недостатка в них не было, вообще ничего не шло как надо. Дразнилки стали последней каплей.

— Конни! Пакет! — скомандовала мама. Привыкшая к такому Конни спокойно протянула ей сзади бумажный пакет. Мама быстро открыла его и дала мне: — Дыши в пакет, Джузеппина! Дыши в пакет!

Панические атаки начались еще в детском саду, и педиатр научил меня уловке с пакетом. Пакет сплющивался на вдохе и снова надувался на выдохе, приятно шурша. А потом мысли подстраивались под ритм дыхания. «Бобби Биланча без паники, Бобби Биланча без паники», — повторяла я про себя, пока сердце не переставало так сильно колотиться и дышать не становилось легче.

— Когда я уже перерасту эти приступы? — спросила я маму, смахивая слезинку.

— Врач сказал, у всех по-разному. Потерпи немного.

Мама высадила Джо у стадиона. Перед тем как выйти, он потянулся вперед и ободряюще сжал мне руку. Потом хлопнул дверью, понесся к товарищам по команде и вскоре растворился в море мальчишек в красно-белой полосатой форме, будто в вазочке с карамельными тросточками на кухне бабушки Монте.

Мама же поехала на поиски фургончика с мороженым «Мистер Твисти». Вгрызаясь в толстый слой шоколадной глазури поверх мягких ванильных завитушек, я сразу же почувствовала себя лучше.

Стоя в пробке, дядя Луи наблюдает, как ученики высаживаются из школьного автобуса. Они строятся в два ряда и синей рекой устремляются ко входу мимо статуи святой Розы Лимской.

— Неужели ты была такой же крохой?

— Коротышкой с самым длинным именем, — отвечаю я, закрывая приложение заметок.

— Я говорил сестре назвать тебя попроще. Но у нее не было выбора, никто больше из семьи не захотел награждать своего бедного ребенка имечком нашей незамужней тетки. *Zia*¹ Джузеппина, кстати, была верзилкой, — дядя Луи задирает руку с вытянутым указательным пальцем, — выше всех в семье Каподимонте, даже мужчин.

Я не застала двоюродную бабушку в живых, но из чужих рассказов поняла, что *zia* Джузеппина слыла грозой Северного бульвара.

— Женщина-трактор, — продолжает дядя, — и такая громогласная! Краска со стен сыпалась, а слышно было с другого конца озера. От ее поступи все сотрясалось.

Мне для такого имени недостает и роста, и солидности. Оно с самого начала было мне велико. Это все равно что просить восьмилетку надеть в школу папины ботинки или поработать на бетономешалке.

— Почему она не вышла замуж?

— Была у нее любовь, да негодная.

— Кому?

— Деду-итальянцу и его братьям. Как я слышал, в сорок девятом году в одну зимнюю ночь *поппо*² Монте с братьями устроили спасательную операцию, которую в наши дни, вероятно, назвали бы похищением.

— И откуда же ее похитили?

— Из «Мотеля Шесть» рядом с Одиннадцатой автострадой. Как раз из-за той истории я называю седьмые номера в мотелях грешильнями.

¹ Тетя (*итал.*).

² Дедушка (*итал.*).

— *Zia* пришла туда за этим?

— За этим самым, да. Но в решающий момент подоспел *nonno* с братьями и вытащил дочь из объятий Пити Палмы, красавчика из Манаскуана. Было там что или не было, но Пити вернулся в Манаскуан один.

— Мне про это не рассказывали.

Ничего удивительного. Истории про секс у нас принято закапывать поглубже, как фигурку святого Иосифа во дворе дома на продажу.

— *Zia* после такого удара совсем отказалась от личной жизни. В ту ночь она и стала старой девой, которая до самого конца пережевывала свой позор, как горькую зелень одуванчика. Но, будучи убежденной католичкой, она искупала грех служением. *Zia* посвятила свою жизнь помощи бедным, а кроме того, заботилась о пожилых родителях и сидела с нами. Воскресный обед каждую неделю тоже был на ней.

— Вот это судьба...

— Счастливой ее не назвать.

— Оно и понятно. Жизнь моей тезки ей не принадлежала, — заключаю я, откидываясь на спинку сиденья.

— Одно имя еще не значит одна судьба, — успокаивает меня дядя Луи, проезжая мимо спортплощадок к границе города. — Ты не старая дева.

«Это только пока», — отвечаю я про себя. Мы с бабушкой Джузеппиной не встречались, но я ношу ее имя и тоже рискую прожить свою жизнь не так, как хотелось бы. Надо об этом поговорить с психотерапевтом.

На въезде в Спринг-Лейк дорога превращается в узкую полосу между бело-зелеными рядами ив. Лейк-Комо с его простенькими домиками в стиле ранчо и яркими пластмассовыми детскими горками остался позади, нас встречают роскошные особняки Спринг-Лейка, где на ухоженных газонах стоят бронзовые статуи. Дядя Луи прибавляет скорость, чтобы успеть на встречу, а я высовываюсь в окно и вдыхаю свежий запах высоких кедров и пихт.

Мы заезжаем на парковку у церкви Святой Екатерины. Собор в стиле «бозар» и молитвенный сад, достойный семейства Медичи, будто чудесным образом перенесли в Нью-Джерси из самой Флоренции. Полированный белый мрамор, резные шпи-

ли и величественно возвышающаяся над озером колокольня — итальянское Возрождение во всей красе. Уже десятки лет именно в этой церкви крестили, женили и хоронили представителей семейств Каподимонте и Баратта.

Выйдя из машины, я пытаюсь расшевелить затекшее тело. Дядя Луи тоже принимается вращать плечами.

— Ай!

— Если болит, не надо.

— Да скоро все заболит. Мне ведь семьдесят три.

— Каждое утро напоминаешь.

— Потому что сам не верю. Еще вчера я был молод и полон сил. Даже рубашку не приходилось надевать. Можно было выйти в одном подгузнике, и то прохожие восхищались.

— Остается только позавидовать.

— Без шуток, я был сложен как статуя Давида, только не такой высокий. А теперь что? Иссох весь.

— Ты еще не старый.

— Посмотрим правде в глаза: чтобы измерить остаток моей жизни, хватит таймера для варки яиц. А то и с запасом. Я мало что еще успею. Это вызывает два вида эмоций — либо парализующее отчаяние, либо побуждение скорее действовать. Вот я и думаю постоянно: что будет с нашим столетним семейным бизнесом? Что ждет «Мрамор и камень Каподимонте»?

У меня аж сердце сжимается. Ну вот. Работа — единственное, ради чего я встаю по утрам. Не знаю, как жить, если ее не будет.

— Ты решил продать фирму?

— Мое дело должно достаться тому, кто им живет. Я не продавать собираюсь, а позаботиться о будущем фирмы. Ты должна быть готова взять бразды правления в свои руки, когда я перестану справляться.

— Я?

Дядя Луи оглядывается по сторонам:

— А здесь есть кто-то еще? Ты, конечно же. Только ты. Но сперва нужно составить представление об общей картине. Увидеть каменоломни Италии. Разве можно управлять нашей фирмой, не зная ничего о добыче каррарского мрамора? Так что давай съездим. Согласна?

Дядя Луи приглашает меня в Италию так буднично, словно мы собираемся в Пассейк за мраморной раковиной.

У меня нет слов. Утром я и подумать не могла, что меня ждет такой разговор. Знала бы, оделась бы понаряднее.

И тут — *illuminata!* Оранжево-розовые лучи осеннего солнца заливают ступени церкви. Неужели мне и правда явилось чудо? Не иначе. Я всю жизнь стремилась попасть в Италию, но что-то постоянно мешало. На поездку по обмену не хватило денег, хоть я и изучала в университете итальянскую культуру и проходила по баллам. Медовый месяц на Амальфийском побережье забраковал Бобби под предлогом, что в Лас-Вегасе будет веселее. Я думала было поехать с группой, но ведь мне интересны деревни моих предков, а не туристические места. А в одиночку попросту боязно. Приключения героини Кэтрин Хепбёрн в фильме «Лето» или Джеймса Бонда в «Казино “Рояль”» не внушают оптимизма. Дядя Луи считывает мой страх.

— Подумай, Джесс. Я не жду ответа прямо сейчас.

Но теперь я боюсь только того, что поездка в Италию почему-нибудь сорвется.

— Я всеми руками за, дядя Луи! Едем! Едем! Едем!

— Хорошо, хорошо, понял. Съездим, освоишься, поработаешь с тамошними парнями и решишь, как дальше быть с фирмой. Пошли за это помолимся! — полушутливо добавляет дядя Луи, открывая бронзовую дверь церкви.